

Адель Хаиров

Солнечные СОСНЫ

171

Шишкина

*Какие деревья! В сущности,
какая красивая жизнь
должна быть возле них.*

А. П. Чехов

Хвала Елабуге

Старинный купеческий город Елабуга богат своими знаменитостями. У кого-то здесь прошло детство, кто-то проживал безвылазно всю свою жизнь, а кто-то приехал умирать...

Одни из нас вспомнят поэтессу Марину Цветаеву, другие – кавалерист-девицу Надежду Дурову, третьи упомянут с благодарностью купцов Стахеевых. Найдутся и те, кто отметит маршала Говорова...

Но есть одно имя, которое выплывает из подсознания нашего человека всякий раз, когда упоминается Елабуга, – это Шишкин!

Как писала сестра Марины Цветаевой Анастасия: «Елабуга – от этого имени веет чем-то языческим, лесным». Точно так же и в имени самого художника – шумит солнечный сосновый лес! И оттого, наверное, имя города и имя художника, прославившего его, переплелись крепко, как корни старой сосны на высоком песчаном берегу Камы.

И. И. Шишкин.
Автопортрет. 1854

И. И. Шишкин.
Ручей в лесу.
1870. Офорт

Дом на Набережной

Угасало бабье лето, и город окрашивался в скучные тона серой осени. Берёзы уже не пылали золотом, а стояли понуро, как зачадившие поминальные свечи. Заканчивался месяц, называемый в народе хмурень, и наступал грязник. После закрытия ярмарок в доме Шишкиных, как и во всех купеческих домах-усадебх Елабуги, подсчитывали барыши или убытки. В те годы ещё

можно было увидеть живых персонажей Островского – старомодное патриархальное купечество. Однако оно уже вызывало насмешки.

В доме купца Ивана Васильевича Шишкина всё было устроено иначе, по-современному, по-столичному. Картин, правда, не держали, они украсили стены позже, когда имя Шишкина уже было на устах. И вот тогда елабужское лето – его любимейшая пора – шумело и пахло соснами в комнатах родительского дома, даже когда всё окрест покрывал первый снег!

Побег из гимназии

«В Казани скука, осень глухая, – написал в своём дневнике юный художник. – Казань мне не понравилась – может быть, тому причиной холод и грязь, которые здесь свирепствуют. О кремле казанском я имел другое понятие – прежде он мне казался хорош, а теперь нет: казёнщина страшная...».

Вот эта же тёмно-серая казёнщина и формалистика, которыми была окрашена жизнь 1-й Казанской гимназии, куда был отдан Иван Шишкин «радеть и метить в чины», и напугала будущего живописца. Душа его зябла и умирала, как дикое лесное животное в клетке городской квартиры, да и тело, привыкшее к просторным домотканым блузам, рвалось из тесной формы гимназиста на простор!

Он объявил родным, что в гимназию больше не вернётся, чтобы не сделаться чиновником, чего он боялся всю жизнь. Попытка отца пристроить недоросля к торговым делам оказалась безуспешной, и Ванечка был сослан на верхний этаж родительского дома – с глаз долой.

Дома он казался дикарём, постоянно сидел у себя в комнате и часами глядел в окно... В хорошую погоду брал с собой хлеб, альбом, карандаши и пропадал до вечера на реке или в лесу...

А весной, в Елабугу приехала артель иконописцев. Запах сирени смешался с запахом олифы и краски, и потемневшая от дождей церковь стала оживать – наливалась золотым светом. С артельщиками Ваня Шишкин сдружился, с ними он неожиданно для семьи и покинул Елабугу, отправившись учиться в Московское училище живописи и ваяния.

Потом был Санкт-Петербург, Академия художеств, серебряные и золотые медали за «солнечные сосны и тёмные лесные чащи».

«Таскаясь по проклятой загранице»

Шишкин тосковал, живя за границей, куда был послан Академией художеств на учёбу, как лучший ученик. Изнывал по Елабуге. Ночами снился один и тот же сон: вот с тростью и в высоких сапогах, с этюдником на плече, он вышагивает по лесной тропе. Полуденный зной звенит над поляной. Под ногами хрустит хворост, выпархивают перепуганные пичужки, а чуть впереди, посреди осоки, журчит и пускает в глаза солнечные зайчики ледяной ручей.

«Сижу и грустно насвистываю песенки русские, много ещё предстоит скучного и грустного впереди, – писал в своих письмах домой художник. – Чёрт знает, зачем я здесь, зачем я сижу в номере Штадт-Кабург, отчего я не в России? Грусть, страшная грусть, но вместе с тем и приятно. Дай бог, чтобы не утрачивалось это чувство, таскаясь по проклятой загранице»; «Дрезден надоел в высшей степени, завтра бы ударить отсюда!»; «Эльба смешна, особенно теперь, когда были дожди, и вода с гор, вероятно, текла по глине, оттого вода в реке как мумия отвратительна. Вообще Эльба не стоит тех красок поэзии, которые так щедро расточали на неё наши поэты!»; «Сколько мы видели здесь и в Берлине, – у нас гораздо лучше. Черствее и безвкуснее живописи, чем здесь я ничего не видел, а тут есть не одни дрезденские художники, а из Мюнхена, Цюриха, Лейпцига и Дюссельдорфа... До сих пор из всего, что я видел за границей, ничего меня не довело до ошеломления, как я ожидал...»; «Это всё мертвечина, а мне бы скорее на натуру, на пекло красного солнышка. Природа всегда нова, не запятнана ничем подобным и всегда готова дарить неисчислимым запасом своих даров, что мы называем жизнью!»

Друзья-художники из Петербурга настойчиво звали его обратно: «Полно тебе торчать там, стеснённым горами,

– иди сюда, на простор. Какого ты чёрта там высидишь! Вертайся, голубчик, скорей!»

Человек – сосна?

Давно подмечено, что каждый писатель выводит в своих героях самого себя, видимо, так же и каждый художник всю жизнь рисует свой бесконечный многоликий автопортрет в детстве, зрелости, старости. Характер его угадывается в излюбленной теме, лицо проглядывает в персонажах картин.

Иван Шишкин людей в свои пейзажи пускал неохотно. Они у него похожи на редких заблудившихся путников. Шишкинский лес вырос и старел вместе с художником. Эти живые пейзажи вобрали в себя вместе с солнцем и провинциальную Елабугу, и воспоминания о родительском доме на Набережной, и русские былины, и святой ручей с широкой Камой, и синее безбрежное небо России, где до сих пор качаются его знаменитые корабельные сосны-великаны...

А всё это вместе – он сам! Иван Шишкин.

Здоровое, крепкое искусство Шишкина, насыщенное полнотой жизни, невольно связывается с его внешностью, обликом и характером.

Илья Репин так описывал художника: «Громче всех раздавался голос богатыря Ивана Шишкина: шумел как зелёный лес и заражал всех своим здоровым весельем... Публика, бывало, ахала, когда он своими могучими лапами ломового извозчика и корявыми пальцами начнёт исправлять свой блестящий рисунок, а тот точно чудом или волшебством каким от такого грубого обращения выходит только изящней!»

Лебединая песня

Однажды Шишкин, очевидно в обществе друзей, заполнил шутивную анкету. На вопрос: «Как бы ты хотел умереть?» – он пишет: «Безболезненно и спокойно, моментально». Рядом приписки другой рукой: «Так и вышло!»

Иван Шишкин скончался скоропостижно за мольбертом. Успев завершить последнюю свою картину – «Афанасовскую корабельную рощу близ Елабуги».

По восторженному отклику одного из современников художника: «Картина заиграла, нота сильная, чудесная – поздравляю не я один, все восхищены – браво! Сосной на выставке запахло – солнца, свету прибыло!»

